

Читайте книги Моники Диккенс
в серии «Имена. Зарубежная проза»

«Мариана»

«Ветры рая»

«Одна пара рук»

МОНИКА
ДИККЕНС

МАРИАНА

Fiction

Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Д45

This edition is published by arrangement with Peters Fraser and
Dunlop Ltd through The Van Lear Agency LLC

Дизайн и иллюстрация на обложке *О. Медведковой*

Диккенс, Моника.
Д45 Мариана : роман / Моника Диккенс ; [пер. с англ. И. Гиляровой]. —
М. : Издательство АЗБУКА, 2026. — 432 с. — (Имена. Зарубежная
проза).

ISBN 978-5-389-30287-7

«Мариана» — светлый и легкий, с блестящими описаниями быта, нравов, характеров роман взросления. Главной героине, Мэри, Моника Диккенс подарила многие факты собственной биографии, а главное — свое восприятие мира. Каждый, кто помнит, о чем мечтал в детстве и юности, какие чувства испытывал в самом начале пути, когда все было впереди, узнает в героине себя.

Мэри пришлось жить в непростое время: ее медовый месяц прервало начало Второй мировой войны. Но тот заряд легкости, любви близких, интереса к жизни, который она получила в начале жизни, поможет ей пройти через все препятствия и сохранить себя.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-30287-7

- © The Estate of Monica Dickens 1940
- © Гилярова И., перевод на русский язык, 2026
- © Litbuk LTD
- © ООО «Вимбо»
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мэри временами слышала от людей, что они не переносят одиночество. Она никогда не могла это понять. Всю свою жизнь она нуждалась временами в блаженном одиночестве, а теперь оно требовалось ей особенно остро. Если уж она не могла быть вместе с любимым мужчиной, тогда лучше быть одной.

Она пыталась найти уединение в маленьком доме на Маргерит-стрит, но в Лондоне оказалось слишком много людей, которые считали своим долгом звонить ей или навещать в любое время суток, чтобы скрасить ее одиночество. Она представляла себе, как жены говорят своим супругам: «Дорогой, мы обязаны что-то сделать для Мэри. Прислуга в последнее время взяла на себя все хлопоты, так что у меня образовалось много свободного времени, надо потратить его на бедняжку. Тут уж ничего не поделаешь». Потом они подойдут к телефону и позвонят ей.

— Знаешь, Мэри, я очень обижусь, если ты забыла, что можешь прийти к нам в любое время, когда захочешь. Когда ты пообедаешь у нас на сле-

дующей неделе? В понедельник, во вторник, в среду, четверг?..

И вот она, прихватив Бинго, приехала в Литтл-Крик-Энд ради долгого одиночества. Там не было никого, кроме нее и собаки, да еще тысячи воспоминаний о других выходных, когда в одиноком доме на Эссекских болотах были два человека и пес.

— Ты сошла с ума, — сказала ей мать. — Зачем ты мчишься в такую глушь? Лучше приезжай к нам с Джеральдом и поживи у нас, раз тебе тяжело. Там ты будешь грустить еще больше.

Они едва не поссорились из-за этого. Мать не понимала, что ей как раз и хотелось грустить, ни на что не отвлекаясь. Ей хотелось наполнить время ожидания мыслями о нем, держаться в стороне от всех, так, словно она сдала себя в банковское хранилище до его возвращения.

Люди были добрыми, приветливыми и забавными, но они считали, что компания и разговоры — это синонимы, а у некоторых из них были голоса, царапавшие ее мозг. Собакам тоже можно сказать много всего. Они всё понимают, хотя и не могут это подтвердить, и на них всегда приятно смотреть, на спящих и бодрствующих. Вот Бинго сейчас спал в своей корзинке сбоку от камина, спал и похрапывал с тихим свистом; его короткие крепкие ноги и одна косматая бровь дергались в темпе его сновидений. По другую сторону от камина в глубоком кресле расслабленно, нога на ногу, полулежала Мэри с чашкой кофе в руке; шелковый халат соскользнул с колена, на ноге покачивалась домашняя туфелька. За неверным светом стоявшей возле Мэри

керосиновой лампы и за светом пламени в очаге остальная часть комнаты была погружена в тень, но не в такую тень, что заставляет тебя боязливо вглядываться в нее, а в мирную и уютную, словно скрытые в ней предметы терпеливо ждут, когда они снова понадобятся хозяйке. За стенами дома бушевала в бессильной ярости ночь, швыряя в оконные стекла струи дождя. Как странно, думала Мэри, что всего лишь несколько десятков сантиметров стены отделяют спокойный уют гостиной от воющей, хлещущей дождем темноты. Да, непокорные творения — наши дома, хижины и дворцы.

Ее ужин стоял на подносе у очага, она читала и ела, но теперь книга лежала, раскрытая, на ее коленях, а она обнаружила, что взгляд все чаще устремляется к язычкам пламени, выскакивающим из раскаленной угольной массы, чтобы лизнуть и окутать огнем лежащие сверху черные куски угля. Завтра, подумала она, я возьму в сарае поленья и подсушу, чтобы у меня был древесный огонь. Она рассеянно накрутила на палец прядь из копны темных, отросших почти до плеч волос. Мэри давным-давно не была в парикмахерской и не приводила голову в порядок. В эти дни ей все казалось бессмысленным, ничего не хотелось делать, и она решила этот вопрос кардинально — просто не смотрела на себя в зеркало.

Она была маленькая, худая и очень бледная, с миндалевидными, глубоко посаженными глазами. Уголки ее рта были грустно опущены, но он умел и широко улыбаться веселой, словно мальчишеской, улыбкой.

Она взглянула на висящие на стене часы — сине-белую фарфоровую тарелку. В Лондоне она бы торопливо спустилась в это время в холл, услышав, как стукнул клапан почтового ящика, чтобы посмотреть, нет ли там белого конверта со штампом «ПОЛУЧЕНО С КОРАБЛЕЙ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА» на уголке. Вдруг сегодня пришло письмо? Надо было бы подождать до вторника. Ведь некому переслать ей сюда письмо, потому что она отпустила Дорис на выходные, и та уехала к родным в Далстон-Ист.

Мысленным взором она уже ясно видела белое письмо, криво лежавшее на темном коврике у входной двери. Чем больше она думала об этом, тем тверже верила, что письмо там. Как мучительно теперь ей ждать. Как она не подумала об этом раньше? А если в нем что-то важное?

Сев в кресле, она захлопнула книгу и положила ее на столик. Я позвоню Анджеке, решила она, и попрошу ее заглянуть завтра ко мне. Она знает, где спрятан ключ от задней двери — под цветочным горшком. Возможно, это глупо, но я и правда с нетерпением жду это письмо. К тому же там может оказаться что-то такое, что требует немедленного ответа.

Она с усилием оттолкнулась от кресла. У нее болели суставы после долгой прогулки под дождем, которую они с Бинго совершили сегодня днем до того, как тихое накрапывание перешло в свирепый шторм. Бинго открыл один глаз и стукнул хвостом по полу, когда она взяла лампу и прошла в другой конец комнаты, под каркас из балок, где когда-то была стена. Вдали от огня сразу стало холодно. Те-

лефон стоял на столике возле окна. И когда Мэри снимала трубку, она слышала стук дождя по стеклу и стоны ветра, который пролетал через обширные болота, чтобы повить над ее домом.

В трубке стояла мертвая тишина.

— Алло... Алло... — Она несколько раз нажала на рычажок аппарата, но раздраженная телефонистка не оборвала ее и не сказала недовольным тоном: «Уэзерби. Номер, пажалста?» Никаких гудков. Безмолвие. Вероятно, ураганный ветер повредил линию. Проклятье. Стуча каблучками по полу, Мэри в задумчивости вернулась к очагу и, перешагнув через Бинго, снова уселась в кресло. Откинувшись на спинку, убрала со лба волосы, нахмурилась, прикусила зубами палец, вытянула ноги. В общем-то, ничего страшного, письмо от него едва ли придет так быстро после предыдущего, но все равно ей было досадно. Завтра она пройдет к перекрестку, доедет на местном автобусе до деревни и позвонит оттуда в Лондон. И это будет вполне нормально, потому что сегодня она все равно ничего не может сделать. Она со вздохом расслабилась и снова взялась за книжку. Значит, завтра она так и поступит. Только хорошо бы погода хоть немного наладилась.

Когда сине-белая тарелка негромко пробила девять раз, Мэри машинально протянула руку и включила приемник. Он тут же зашипел и затрещал. «Мне надо как-нибудь убрать этот треск», — подумала она, в первые мгновения не вслушиваясь в голос диктора. Но потом...

«Адмиралтейство с прискорбием сообщает, что сегодня утром подорвался на mine и затонул бри-

танский эсминец “Фантом”. Два торговых судна, ответившие на сигнал S.O.S., подняли на борт нескольких моряков, но, вероятно, трое из семи офицеров и двадцать матросов погибли. Их ближайшие родственники уже проинформированы. “Фантом”, спущенный на воду в 1927 году, был эскадренным миноносцем класса “X” водоизмещением 1300 тонн...»

Мэри выключила радио. Слова затихли, и ничто уже не напоминало о том, что они были произнесены. Она по-прежнему сидела в желтом световом пятне лампы, а на подлокотнике кресла балансировала недопитая чашка кофе. По-прежнему горел огонь, оранжевые и желтые язычки с шипением плясали на кусках угля, по-прежнему лежал в своей корзине Бинго, вытянув короткие ноги, дергал ими, словно мчался галопом, по-прежнему тикали сине-белые часы. Ничего не изменилось, но все же ничто не было прежним. Даже буря за стенами, казалось, притихла, а комната затаила дух и ждала, хотела узнать, как Мэри воспримет печальное известие. А она сидела в кресле и, пока по ее коже полз холодок осознания случившегося, говорила, говорила себе, все менее и менее убежденно: «Неправда, это неправда».

Ближайшие родственники проинформированы. Так что, возможно, на коврике у двери что-то лежит, но не белый конверт — а желтый, и ей придется ждать до утра, чтобы узнать об этом. Почему-то ей нехватило подумалось: «Ну теперь у мамы будет повод упрекнуть меня — мол, она же уговаривала меня не уезжать. Да, зря я приехала сюда».

Странно, но ей совсем не хотелось плакать. Она была совершенно спокойна, вот только в груди стучал тяжелый молот. Она представляла, как он грохочет под тонким шелком ее халата.

— Бинго, — проговорила она, — Бинго, случилось ужасное. — Маленький пес выпрыгнул из корзины, встряхнулся, зевнул, потянулся и засеменял следом за ней к двери. Порыв ветра и дождь хлестнули ей в лицо, когда она распахнула дверь и вгляделась в бушующую черноту. Дрожа от холода, она обреченно захлопнула дверь, отказавшись от импульсивной идеи дойти до деревни и постучаться к кому-нибудь, у кого есть в доме телефон, — позвонить Анджеле, в Адмиралтейство, хоть кому. Нет, не получится. В такую непогоду она не дойдет до деревни, ведь до нее больше восьми километров. Даже не найдет дорогу до нее. А если и доберется, то ей нужно будет постучаться в незнакомый дом, что-то объяснять чужим людям, звонить в их присутствии...

Стук черепицы, упавшей во двор с крыши кухни, усилил ее отчаяние. Буря безумно сильная. Придется ждать. Ждать — и стараться не думать. Она вернулась к очагу. Пожалуй, если она снова сядет и возьмет в руки книжку, все снова наладится. Время отползет назад, и она обнаружит, что ничего не произошло.

Но ведь такое не могло с ней случиться — с кем угодно могло, но только не с ней. Трагедии случаются с другими людьми, не с тобой. Четыре офицера были спасены, и, конечно, он был одним из них. «Мне везет, мне всегда везло». Разве он не говорил об этом в казино в Каннах в ту чудесную ночь —

неужели это было в мае, совсем недавно? А теперь кажется, что совсем в другой жизни.

«Ох, любовь моя, мы с тобой больше не поедem за море в страны вечного лета».

Не думать, это единственный выход. Она отнесла чашку с кофе в маленькую кухню с каменным полом, зажгла другую лампу, принесла стоявший у огня чайник и помыла посуду. На кухне было холодно, и она пошла за пальто, чтобы надеть его поверх халата. В шкафу, кроме ее пальто из верблюжьей шерсти, были огромные резиновые сапоги, старая, выдавшая виды яхтенная кепка и потерявшие форму серые фланелевые брюки в масляных пятнах. Быстрым, испуганным движением она закрыла дверцу и вернулась на кухню, стараясь занять свой мозг чем-то другим и конкретным, например размышлениями — когда ей выйти утром из дома, чтобы сесть на ранний автобус, и кому надо позвонить.

Закончив с уборкой посуды, она не стала больше сидеть у огня, а решила подняться в комнатку с неровным полом и желтыми ситцевыми занавесками, лечь в постель, где ей будет тепло, мягко и темно, и ждать утра.

— Пойдем, Бинго. — Она наклонила корзинку и вытряхнула из нее маленького керн-терьера, сонного и недовольного. — Пойдем, сегодня тебе можно спать у меня.

Она наполнила бутылку горячей водой, почистила зубы и причесалась — совсем как обычно — погасила лампы и забралась между пахнущими чистотой простынями, чувствуя себя очень

маленькой. Она лежала на спине под низким потолком, ощущая теплую тяжесть собаки на ногах, глядя в темноту широко раскрытыми глазами, борясь с мыслью, которую гнала от себя с той самой минуты, когда торжественно-печальный голос из радиоприемника разрушил ее налаженную жизнь. С мыслью о том, что, возможно, больше никогда, больше никогда...

Нет, она не должна позволять себе думать об этом, думать о будущем. Прошое, надежное прошое — вот за что надо держаться. Безопасней глядеть назад, а не вперед. Пока она лежала и ждала, глядя на неясные очертания занавески, трепетавшей у приоткрытого окна, слушая ветер, дождь и лай собаки за болотами, она думала о вещах, которые ушли в прошое, о годах, которые вели к этому вечеру — к кризису ее жизни. Обо всех тривиальных, мимолетных, восхитительных, обыденных вещах, которые происходили, создавая эту молодую женщину, что лежала тепер в пахнувшей чистым бельем темноте и ждала рассвета, чтобы узнать, жив ее муж или погиб.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Запах чистых простыней напомнил Мэри о детстве. Тогда он был связан в ее сознании с Чарбери. Он был первым, что она замечала, войдя в Чарбери-Хаус, и уж за ним следовало неуловимое попури из других запахов в доме — роз, древесного дыма, мастики для пола, свежего хлеба и старого льняно-

го полотна с лавандовой отдушкой. Она замечала это лишь по приезде из Лондона. Через какое-то время все запахи делались такой же частью ее здешней жизни, как и порванная юбка, царапины на коленках и пробуждение по воскресеньям под шорох метлы садовника, подметавшего дорогу к дому.

Иногда в лондонской жизни, в школе или в квартире возле выставочного центра «Олимпия», где она жила с матерью и дядей Джеффри, она улавливала дуновение чего-то такого, что вызывало в ее воображении запах Чарбери, и тогда вся ее юная душа до боли наполнялась ностальгией, а глаза застили слезы тоски по каникулам и серому елизаветинскому особняку в графстве Сомерсет — скромному, без намека на помпезность, самого подходящего для жизни размера.

Мэри все нравилось в Чарбери, без всяких вопросов, все было идеальным. Даже ее ужасные кузены и кузины казались сносными, потому что они тоже были частью дома. Она ощущала его шарм, была зачарована им и спустя годы испытала шок и удивление с ноткой сочувствия, когда узнала, что взрослые не замечали тот восхитительный рай, так легко доступный детям.

— Там все было ужасно, — сказала ей мать, — бесконечные семейные ссоры. Кто-то всегда был уязвлен, задет и создавал невыносимую атмосферу. Тогда остальным приходилось ходить на цыпочках, бесконечно извиняться, говорить: «Нет-нет, это я во всем виновата».

— Что за нелепая трата времени, — недоверчиво возразила Мэри. — А я в детстве никогда и не

замечала, что вы ссорились. Но ведь не все же время так было, правда?

— О нет, конечно нет. Было и много приятно-го. Нет-нет, место было божественное. Но вообще-то, знаешь, как это бывает? Там всегда кто-то намеревался составить за завтраком план на день, а кто-то другой хотел делать все спонтанно, без плана, и чтобы все остальные делали это вместе с ним, и когда мы все наконец приходили к согласию и решали, чем заняться, наступало время ланча, и мы уже ничего не успевали. Вам, детям, везло. Вы ничего не знали о том, что прислуга часто увольнялась, потому что им некуда было пойти в свои свободные полдня, а тетя Мавис обнаружила, что в доме неисправная канализация, и подняла панику, решив, что теперь над всеми нависла угроза тифа. А дядя Лайонел всегда жаловался, что охота плохая, мало дичи, и говорил твоему деду, что егеря — браконьер, — и я даже слышала, как он говорил, что обрадовался, когда дед избавился от этого поместья!

Мэри слышала все это потом, после продажи Чарбери, но все равно ничто из сказанного не могло испортить идеальные воспоминания, много лет жившие в ее памяти, — чудесные, возвысившиеся почти до легенды, потому что это было время, которое уже не вернуть.

Чарбери-Хаус принадлежал деду с бабкой Мэри, а их второй сын, Джордж Шеннон, был ее отцом. Она не помнила его, потому что он был убит в 1916 году в рукопашном сражении на севере Франции в Тьепвале, когда ей был всего год. На

фотографии, которую мать повесила над ее кроватью, был запечатлен очень молодой военный с круглым лицом и светлыми кудрями. Он улыбался дочке, и глаза его улыбались тоже. Мэри подумала, что это лицо было создано для улыбки, и вечером сказала об этом матери, когда та пришла поправить ей одеяло и пожелать спокойной ночи. Миссис Шеннон погасила свет и стремительно вышла из детской, словно на что-то рассердилась. Она никогда не говорила с Мэри о ее отце, но девочка внимательно изучала фотографию, встав колечками на подушку, чтобы лучше рассмотреть, потому что ей было интересно иметь отца, который умер. Ничего печального она в этом не видела, пока не поступила в частную школу на Кромвел-роуд. Директриса мисс Карсон спросила у нее про отца, и, когда Мэри с гордостью сообщила, что он убит на войне, мисс Карсон тихонько охнула и отвела ее в свой кабинет, где было столько пальм, папоротников и бамбуковой мебели, что посетитель с трудом мог дышать. Там мисс Карсон посадила Мэри на колени, погладила по голове и сказала, что жить без папы очень-очень грустно, но она должна быть хорошей девочкой и не плакать по нему, потому что ее отец — герой, он принес наивысшую жертву. После таких слов Мэри захлестнула волна отчаяния, и она горько зарыдала на скромной груди мисс Карсон, от которой пахло хлебом с маслом. С тех пор Мэри с трудом могла смотреть на отцовскую фотографию — та присоединилась к длинному ряду вещей, заставлявших ее плакать, а непонятные слова «наивысшая жертва» казались ей

самыми печальными на свете. Матери она никогда не называла причину своих слез, а делала вид, что плачет по другой причине, например что увидела в «Питере Пэне» картинку, где Венди лежит на земле со стрелой в груди, или что ей не позволили смотреть, как бреется дядя Джеффри.

Джеффри Пейн, старший брат миссис Шеннон, поселился в квартире сестры да так и остался там жить, когда вернулся из Оккупационной армии. Он пытался связать оборванные нити своей непрочной сценической карьеры. В начале двадцатых невероятным успехом пользовались роли простаков, и дядя Джеффри специализировался на них — главным образом благодаря своей внешности. Его лицо, скошенное на лбу и подбородке, напоминало яйцо, на котором торчали нос и передние зубы, подчеркивая ущербность нижней челюсти. Дядя вечно начинал отращивать усы песочного цвета и снова сбрасывал, не давая им шанса выйти из стадии эмбриона. На сцене, а часто и в обычной жизни он носил монокль то в правом, то в левом глазу, а еще галстук-бабочку, воротничок-стойку и костюмы, привлекавшие внимание рисунком ткани, а отнюдь не безупречным кроем. Он был приветливым на пассивный лад и вполне искренним, когда открыто выражал желание приносить в дом больше денег, чтобы его сестре не нужно было работать.

— Я не перестану работать, даже если ты будешь получать пять сотен в неделю, — возражала на это миссис Шеннон. — Мне нравится ходить на работу. Иначе что мне тогда делать целый день? —

И она смеялась и щелкала пальцами, требуя, чтобы он бросил ей сигарету.

После гибели мужа миссис Шеннон отказалась от финансовой поддержки со стороны его родителей, владельцев знаменитого ресторана «Шеннон» на Трафальгарской площади, поблагодарив их за любезное предложение. Она хотела сама зарабатывать на жизнь для себя и дочери и ни от кого не зависеть. Ее собственные родители не могли ей помогать. Когда Мэри исполнилось восемь лет, миссис Шеннон нашла свою надежную нишу в некогда процветавшем, но переживающем кризис магазине одежды, но потом в отчаянии покинула его ради ненадежной работы в большом колледже домоводства в Южном Кенсингтоне — там она стала вести уроки кройки и шитья. Мэри узнала об этом позже. В те дни она принимала факт, что ее мать «пошла на работу», так же, как сама ходила в школу, и крайне удивилась, когда впервые обнаружила, что матери ее одноклассниц не уходят по утрам из дома и не возвращаются вечером. Зато во время каникул миссис Шеннон была свободна почти всегда, и они проводили их в Чарбери вместе с остальным семейством Шеннон.

Вот они, мать и дочь, проталкиваются в четверг накануне Пасхи сквозь безумные толпы на вокзале Паддингтон. До отправления поезда в десять тридцать до Тонтонна оставалось три минуты. На первый взгляд, они были похожи — обе маленькие, темноволосые и бледные, но лишь на первый взгляд, а в действительности они были разные. Мэри в свои одиннадцать лет была как креветка,

лишенная естественной окраски, и окружающие с торжеством отмечали, что она хрупкая и нежная. Улыбаясь, она, с ее узким подбородком и маленькими заостренными ушками, не скрытыми под волосами, походила на гнома. Волосы были заправлены за уши и скреплены заколкой на затылке, откуда аккуратно падали на спину. У них был неуловимый каштановый оттенок. Волосы миссис Шеннон были почти иссиня-черными, а глаза гораздо темнее, чем у Мэри, маленькие и круглые, словно кнопки электроприбора. Ее голова и лицо казались непропорционально маленькими, почти как у ребенка, но нежная линия челюсти была квадратной, а прямая нижняя губа повторяла линию подбородка, тогда как у Мэри был острый подбородок, а большой рот не повторял ни один из контуров лица. «Тебе надо вырасти такой же большой, как твой рот», — любил повторять дедушка.

Они пробились на платформу и теперь почти бежали вдоль поезда, где носильщики уже захлопывали двери, а пассажиры высовывались из окон и махали на прощанье провожающим.

— Сюда, давай сюда, — повторяла Мэри, ожидая, что поезд вот-вот тронется, и тянула мать за руку, когда они пробежали мимо полупустого вагона третьего класса. Она видела кондуктора, стоявшего возле багажного вагона со свистком возле рта. Но миссис Шеннон всегда была убеждена, что найдет впереди что-то получше. Если она шла на пикник, то всегда видела «идеальное местечко» за пределами территории, где устроились все остальные. Наконец, к облегчению Мэри, они поравня-

лись с кондуктором, и он сказал: «Леди, заходите в вагон, если собираетесь куда-то ехать», — и поднял руку с флажком. В итоге им пришлось прыгнуть в ближайший вагон, полный сердито глядевших на них пассажиров. В этом поезде не было сквозного прохода, и людям пришлось подвинуться и освободить для них место.

Миссис Шеннон тут же заявила, что Мэри стошнит, если она не сядет у окна, воткнула ее на угловое место и торжествующе улыбнулась ей, когда сама села в середине противоположной скамьи. Мэри сдержанно улыбнулась в ответ. Хотя для нее было мучением не глядеть в окно, она не могла одобрить тактику матери — так бессовестно вести себя, чтобы добиться желаемого. Мэри, будучи робкой, видела все по-своему. Ее заботило не то, что люди подумают о ее матери, а то, что они подумают в связи с этим о ней самой.

В купе, кроме них, было еще пять человек — три самые обычные женщины, кажется, случайно оказавшиеся тут вместе, некрасивый молодой мужчина, очевидно, сопровождавший одну из них, потому что он лишь что-то буркнул, когда миссис Шеннон заговорила с ним, и в углу напротив Мэри добродушный пожилой толстяк с пышными седыми усами — он вполне мог наряжаться для внуков рождественским дедом. Вскоре попутчики погрузились в апатию, которую навевает поездка, но миссис Шеннон обладала способностью расшевелить самую сонную атмосферу. Даже если она сидела тихо, что бывало далеко не всегда, у нее был напряженный вид, сопровождавший ее, куда

Литературно-художественное издание
Эдеби-көркем басылым

Диккенс Моника
МАРИАНА

Ответственный редактор *Ю. Раутборн*
Литературный редактор *А. Миро*
Технический редактор *Л. Сеницына*
Корректоры *П. Шевнина, В. Макогоненко*
Компьютерная верстка *В. Демин*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 11.05.2026.

Формат 84 × 108 $\frac{1}{32}$. Гарнитура «Spectral».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,68.

Тираж 3000 экз. Т-ИЗР-39446-01-Р. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68, БЦ «Регул», 2-й этаж Тел.: (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы 195112, Санкт-Петербург, Мало-Охтинский даңғылы, 68 ғимарат, Регул бизнес орталығы, 2-қабат Тел.: (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

